

ЛУИ ПЕРГО

ПУГОВИЧНАЯ ВОЙНА

КОГДА МНЕ БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ

Перевели с французского
Мария Брусовани и Михаил Яснов

Предисловие и комментарии
Михаила Яснова

Художник
Вадим Челак

Москва **КомпасГид**
издательский дом

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
П26

Перго, Луи.

П26 Пуговичная война. Когда мне было двенадцать / Луи Перго ; пер. с франц. М. Брусовани, М. Яснова ; предисл. и коммент. М. Яснова, худож. В. Челака. — М. : КомпасГид, 2018. — 328 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-460-2

Так уж повелось испокон веков: всякий 12-летний житель Лонжеверна на дух не переносит обитателей Вельранса. А каждый вельранец, едва усвоив алфавит, ненавидит лонжевернцев. Кто на уроках не трясется от нетерпения — сбежать и проучить врагов хорошенько! — тот трус и предатель. Трясутся от нетерпения все, в обеих деревнях, и мчатся после занятий на очередной бой — ну как именно он станет решающим?

Не бывает войны без трофеев: мальчишки отмечают триумф, срезая с одежды противника пуговицы и застёжки, чтоб неприятель, держа штаны, брел к родительской взбучке! Пуговичная война годами шла неизменно, пока однажды предводитель лонжевернцев не придумал драться нагишом — позора и отцовского ремня избежишь! Кто знал, что эта хитрость приведет затянувшийся конфликт к совсем не детской баталии...

Луи Перго знал толк в мальчишеской психологии: книгу он создал, вдохновившись своим преподавательским опытом. В 28 лет Луи Перго выиграл Гонкуровскую премию, опередив таких грандов, как Гийом Аполлинер и Колетт. А в 33 года он погиб в Первой мировой. «Пуговичная война» опубликована во Франции в 1912-м, и в ней словно зашифровано послание: когда ненависть не утихает, она разрастается и малейшая глупость может разрушить хрупкий мир.

Пять раз экранизированный, заслуживший славу дедушки «Повелителя мух», роман выходит на русском впервые. Это стало возможным благодаря двум мастерам — Михаилу Яснову и Марии Брусовани. Им удалось сохранить дерзкий стиль классика и выйти за рамки исторического романа. Издание проиллюстрировано Вадимом Челаком и сопровождается предисловием и комментариями Михаила Яснова.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published under the title «La guerre des boutons» by Louis Pergaud.

© Яснов М. Д., Брусовани М. И., перевод, 2018
© Челака В. Г., иллюстрации, 2018
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-460-2

НЕМНОГО О «ПУГОВИЧНОЙ ВОЙНЕ» И ЕЕ АВТОРЕ

«Пуговичная война» — один из самых популярных подростковых романов во Франции, причем и среди юных читателей, и в кругу родителей. Он входит в программы классного и внеклассного чтения, его читают по радио, разыгрывают на школьных сценах и театральных подмостках, придумывают, пишут (и даже публикуют!) продолжения, пытаюсь угадать, какая судьба ждала героев романа — Лебрáка и его товарищей. За столетие бытования романа в литературе его пять раз экранизировали; фильм Ива Робэра, снятый в 1962 году, считается классикой французского кино. Старшие узнают в романе черточки и детали своего детства, младшие находят проблемы и положения, с которыми встречаются и сегодня. Детская, подростковая психология малоизменчива. Меняются реалии жизни, и каждое поколение читает свою судьбу с чистого листа. Что до реалий, то деревенская школа, описанная Перго: темы занятий, разговоры в классе, учебники, карты на стенах, поведение одноклассников, реакция учителя — все, если верить воспоминаниям и свидетельствам современников писателя, воскрешает атмосферу Третьей Республики, с ее законом о всеобщем образовании, который подростки принимали в штыки. Не удивительно, что конец перемены всякий раз казался им концом детства!

Роман Луи Перго появился одновременно с другим французским романом о подростках — с «Большим Мольном» Алэн-Фурньё. Судьбы писателей оказались схожи: Алэн-Фурньё тоже погиб на фронте, ему было 27 лет, Перго — 33. Но если книга Алэн-Фурньё преисполнена романтикой юности, то мир Перго иной. Его задачей было ни в коем случае не приукрашивать действительность: он хотел написать «честную

книгу». Поэтому деревенская жизнь передается им со всей ее правдой и во всей ее полноте: с плохо скрываемой ненавистью учеников к учителю, с нередко проскальзываемым презрением к родителям и в то же время страхом перед ними, с жестокостью и грубостью, под которыми, бывает, скрываются нежность и беспомощность. И, конечно, подобный уклад жизни прежде всего отражается в языке, в речи героев. Вот так они и говорят — не чураясь дурных слов, высказывая напрямую все, что думают, прибегая к таким оборотам, которые куда как далеки от литературного языка... Неужели автору (а следом за ним и переводчику) «пересказывать» эти разговоры «окультуренным» языком? Тем более что Перго в своем предисловии недвусмысленно и прямолинейно замечает: «Забота об искренности стала бы моим оправданием, если бы я хотел извиниться за рискованные словечки и чересчур образные выражения моих героев».

На все это накладывается «дух времени» — прежде всего жажда реванша, которая переполняла французское общество после фактического поражения во Франко-прусской войне. Это чувство диктует идеи и поступки наших героев, когда, наскучив обычными стычками, мальчишки переходят к экспроприации пуговиц у взятого в плен противника. Эскалация насилия становится главной движущей силой в войне подростков из двух деревень (сколько подобных историй мы узнали за прошедшее столетие!). По мере развития действия их отношения ужесточаются, в них втягиваются взрослые, и вот уже это не игрушечная война двух мальчишеских банд, а чуть ли не глобальная катастрофа, где ни у одной из враждующих сторон нет за душой ни правды, ни справедливости.

Всё было бы куда как сурово, если бы уже в самом начале не возникло имя Рабле^{*1}. Великий Франсуа Рабле, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», остроумец, насмешник, сатирик, гуманист и педагог — вот кто становится путеводной звездой для Луи Перго! И, присягая

¹ К словам и фразам, помеченным знаком *, есть расширенные комментарии в конце книги.

в верности урокам этого гения, Перго откровенно заявляет, что хотел написать книгу, «которая была бы одновременно галльской, раблезианской и эпической». Галльской — то есть национальной, французской. Раблезианской — то есть написанной в традициях народной смеховой культуры. Эпической — то есть преисполненной значительности, передающей наиболее важные черты современности.

В 1896 году во Франции была учреждена Академия Гонкúров — в память о знаменитых писателях, братьях Гонкúр. С 1903 года Академия стала присуждать ежегодную премию за лучшую книгу прозы; эта награда быстро превратилась в самую престижную литературную премию Франции, какой и остается по сей день.

Тогда, в середине девяностых годов XIX века, подросток Луи Перго в маленькой деревушке, затерянной в предгорьях Вогезов, и думать не думал, что пройдет немного времени, и он станет одним из первых лауреатов Гонкуровской премии.

Луи Перго родился в 1882 году. Его детство и отрочество совпали со всеми общественными и культурными событиями конца века, которые разворачивались под знаменами Третьей республики (1870–1940), надолго пережившей своих первых свидетелей и летописцев. Франко-прусская война и Парижская коммуна покончили с монархией, но Республика долго вставала на ноги, и в провинции эхо столичных событий вязло в по-прежнему реакционном укладе жизни, в безработице, в бедности, а то и в бессмысленности существования.

Между тем начинался новый век, и оставшиеся два десятилетия, отведенные Перго судьбой и прерванные Первой мировой войной, оказались важнейшими в становлении новой европейской, да и всей мировой культуры.

Всё было новым: живопись шагнула от импрессионистов до кубистов, музыка — от Оффенбаха до Сати; поэзия, поднимаясь до самых темных высот символизма, вспомнила Рембо и «проклятых» поэтов и попыталась сочетать их иронию и усложненную семантику с последними открытиями живописи; театр был готов к встрече с русским балетом; в журналистике царил дух острой конкуренции, открывались

многочисленные журналы и толпы соискателей жаждали стать обладателями множества литературных премий и призов. На смену салонам, которые были центром художественной и артистической жизни Парижа конца XIX века, пришли литературные редакции с их духом свободолюбия и мужской солидарности. Во французском обществе создавался своеобразный, ни на что прежде не похожий интеллектуальный климат. Всё это войдет в историю как *belle époque*, «прекрасная эпоха», время слома и смены эстетических позиций. Начинались новые мифы: скорость, механика, симультанность, то есть осознание в искусстве одновременности самых разных процессов. Воинственно вступали в жизнь католическое возрождение и мистические пророчества.

Но все это — там, в таинственном и одновременно открытом для всех Париже. А что в провинции? В каждом из регионов была своя атмосфера: народ оставался разобщенным, политические предпочтения и религиозные убеждения нередко приводили к распрям.

Перго родился и вырос в департаменте Ду, входящем в историческую область Франш-Конте, на востоке Франции. Отец его был приходским учителем, Луи пошел по его стопам и, получив необходимое образование, с 1901 по 1907 год учительствовал в разных деревенских школах родной провинции. За эти годы он выпустил два сборника стихов, не имевших никакого успеха, затем перебрался в столицу, бедствовал, но продолжал писать, переполненный воспоминаниями о детстве и отрочестве, о нравах и реалиях сельской жизни. В 1910 году его роман «От Лиса до Сороки» неожиданно получил Гонкуровскую премию, опередив, в частности, представленную на премию книгу знаменитого уже тогда Гийома Аполлинэра «Ересиарх и К°». Затем он написал книгу рассказов о животных «Месть ворона» (1911) и «Роман о Мире, охотничьем псе» (1913), между которыми вклинился роман «Пуговичная война» (1912), и именно эта книга сделала Перго знаменитым, но уже после гибели автора.

В самом начале Первой мировой войны Перго был мобилизован. 7 апреля 1915 года во время ночной атаки писатель был ранен в ногу.

Его искали, но не нашли. Есть предположение, что немцы подобрали раненого и поместили в лазарет, который на следующий день был уничтожен огнем французской артиллерии.

Читая сегодня «Пуговичную войну», мы не только знакомимся с реалиями прошлого и не только сопереживаем юным персонажам романа, но и получаем от чтения огромное эстетическое удовольствие: Перго наполнил свою книгу такой жизненной силой, такими насмешками, иронией и веселостью, что нам остается только следовать за его героями, припомнив слова знаменитого исследователя Рабле Михаила Бахтина: «Двери смеха открыты для всех и каждого».

Михаил Яснов

Идите мимо, лицемер, юрод,
Глупец, урод, святоша-обезьяна...

*Франсуа Рабле**

Посвящается моему другу Эдмону Роше*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Тот, кто наслаждается, читая Рабле, этого великого и истинно французского гения, с удовольствием примет, я надеюсь, мою книгу, которая, несмотря на свое название, не адресована ни маленьким детям, ни юным девицам.

К черту стыдливость (только на словах) тех немощных времен, из-под ханжеских плащей которых частенько несет только неврозом да ядом! И к черту «настоящих римлян»: я — кельт*.

Именно поэтому я и захотел написать честную книгу, которая была бы одновременно галльской, раблезианской и эпической. Книгу, в которой текли бы жизненные соки, сама жизнь, сам восторг. И звучал смех, этот великий радостный смех, что сотрясал животы наших отцов — знаменитых вышивов или бесценных подагриков.

Так что я вовсе не боялся ни крепкого словца — лишь бы оно было смачным, ни рискованных эпизодов — главное, чтобы они были эпическими.

Мне захотелось воссоздать одно мгновение моей детской жизни, нашей восторженной и жестокой жизни дикарей-крепышей, во всей ее искренности и героизме, то есть свободной от школьного и семейного лицемерия.

Очевидно, что в изложении подобного сюжета было бы невозможно придерживаться одного только словаря Расина².

Забота об искренности стала бы моим оправданием, если бы я хотел извиниться за рискованные словечки и чересчур образные выражения

² *Racine* Жан-Батист (1639–1699) — знаменитый драматург, чьи произведения считаются эталоном французского языка классической эпохи.

моих героев. Но никто не обязан читать мою книгу. А после этого предисловия и украшающего титульный лист эпиграфа из Рабле я не признаю ни за одним ментором, светским или религиозным, мечтающим о более или менее тошнотворных нравоучениях, права сетовать.

К тому же — и это лучшее мое оправдание — я задумал эту книгу в радости, я писал ее с наслаждением, она развлекала нескольких друзей и рассмешила моего издателя³. Поэтому я имею право надеяться, что она понравится «людям доброй воли»*, как сказано в Евангелии, а на все остальное, по словам одного из моих героев, Лебрака, мне начхать.

Л. П.

³ Этого последнего — заранее (*примеч. авт.*).

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОЙНА

I

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Что касается войн... и впрямь поразительно, какими ничтожными причинами вызываются жестокие войны... и улаживаются эти раздоры благодаря столь ничтожным случайностям: ...вся Азия, говорят, была разорена и опустошена в результате войн из-за распутства Париса*.

Монтень. «Опыты».
Книга вторая, гл. XII

- Подожди меня, Гранжибюс⁴! — окликнул Було⁵, придерживая учебники и тетради подмышкой.
- Пошевеливайся, а то я не успею потрепаться!
- Есть новости?
- Возможно!
- И что?
- Да пошли же!

⁴ *Гранжибюс* — т. е. Большой Жибюс (от франц. *grand* — «большой, старший»). Кроме того, *gibus* по-французски означает «шапокляк» — складывающийся цилиндр. Кличку старшего из братьев можно перевести как «Большая Шляпа».

⁵ *Було* (франц. «толстяк, батон») — многие герои Перго носят говорящие фамилии. Було, под стать своей, показан как неповоротливый, неловкий парень.

